

**Гумилевский след в повести шанхайского мариниста
Б. Я. Ильвова «Летучий Голландец» ***

Е. Ю. Куликова

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СО РАН

Аннотация. Рассматривается повесть шанхайского писателя Бориса Ильвова «Летучий Голландец». Ильвов видится продолжателем традиций Николая Гумилева. Именно «морскую» линию творчества Гумилева отразил Ильвов, используя близкие ему мотивы и сюжеты. В статье анализируется легенда о Летучем Голландце в тексте Ильвова. Отмечается также, что Ильвов не только откликнулся на гумилевские образы в своем произведении, но и использовал необычную внешность Гумилева для создания своего героя – «Летучего Голландца». Повесть Ильвова, ориентированная на философские воззрения и поэтику Гумилева, позволяет увидеть метафорически обозначенные пути русской эмиграции, для которой Восток становится началом новой жизни.

Ключевые слова: восточная эмиграция, Н. Гумилев, Б. Ильвов, сюжет о Летучем Голландце.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-363-374

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 19-18-00127 «Сибирь и Дальний Восток первой половины XX века как пространство литературного трансфера».

Куликова Е. Ю. Гумилевский след в повести шанхайского мариниста Б. Я. Ильвова «Летучий Голландец» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 363–374.

Контактная информация: Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия, kulis@mail.ru)

Одной из характерных черт русского литературного Китая можно назвать следование акмеистическим традициям. Пожалуй, любимым поэтом русских эмигрантов на Востоке является Николай Гумилев, судьба и лирика которого стали образцом для творческой интеллигенции Китая. Творчество Гумилева «в представлении харбинских акмеистов... связывалось “с той стальной деловитостью, которой характеризуются хотя бы фигуры... дальневосточных деятелей – мореходов и землепроходцев”. В стихах Гумилева привлекало чувство уверенности в себе и в жизни, сила, широта и смелость порыва» [Крейд, 2001].

Почитателями Гумилева были А. Несмелов и В. Перелешин, «дальневосточный акмеист» В. Обухов и др., А. Вертинский написал музыку на две «китайские» строфы стихотворения Гумилева «Я верил, я думал»¹, в 1925 г. А. Ачаир в Харбине основал литературный кружок «Зеленая лампа», превратившийся в литературное объединение «Молодая Чураевка», члены которого чрезвычайно ценили творчество Гумилева. «Внутри» «Чураевки» Н. Петерек и Н. Щеголев создали «Круг поэтов», ориентированный на основанный Гумилевым «Цех поэтов», объявив своим идеалом «конкистадора» Гумилева, ведь именно в его стихах Китай становится счастливым финалом для вечного путешественника: «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть!» [Гумилев, 1988, с. 136].

«В конце 1920-х гг. возник кружок “Акмэ”, выпустивший свой сборник “Лестница в облака”, который открывается стихотворением, посвященным Гумилеву» [Крейд, 2001]. В 1937 г. поэтическим объединением «Пятница» был издан «Гумилевский сборник».

Писатель-маринист Б. Я. Ильвов, после окончания Гражданской войны живший в Шанхае, автор сборников рассказов «Рокот моря», «Летучий голландец», «Морская даль» и романов о Гражданской войне «Ураган» и «Смерч», воспринял и отразил «морскую» линию творчества Гумилева.

Об Ильвове можно найти несколько абзацев в исторических обзорах эмигрантского творчества в Китае А. А. Хисамутдинова², рассказывает о судьбе писателя О. Гончаренко в предисловии к книге, состоящей из двух произведений, созданных русскими офицерами, – романа Ильвова «Ураган» и «Последних юнкеров» В. Ларионова [Гончаренко, 2007]. Кро-

¹ См. об этом: [Куликова, 2018].

² См., например: [Хисамутдинов, 2003, с. 148; 2014, с. 51–52].

ме того, в исторических исследованиях «Последние битвы императорского флота» и «Закат и гибель Белого флота» О. Гончаренко упоминает братьев Ильвовых – Сергея и Бориса³. Указано имя Ильвова и в справочнике А. М. Буякова «Знаки и награды Российских эмигрантских организаций в Китае» [2005, с. 109, 205].

Ильвов написал в Шанхае все свои произведения. Окончив Морской корпус в 1910 г., мичманом служил на эсминцах, участвовал в Первой мировой войне. «Гражданскую войну... провел на юге России, участвуя в 1-м Кубанском походе генерала Корнилова... эвакуировался... вместе с армией генерала Врангеля» [Хисамутдинов, 2014, с. 51].

Именно офицеры Балтийского флота «одни из первых столкнулись с массовым неповиновением нижних чинов и беспорядками на берегу. Кронштадтское избиение офицеров, гибель адмиралов, череда мятежей на военных кораблях... нанесли... удар всему русскому флоту» [Гончаренко, 2007, с. 4–5].

После того как Временное правительство опубликовало «Приказ № 1», «подорвавший централизованную систему управления армией и флотом» [Там же, с. 5], офицеры лишились власти над своими экипажами. «На кораблях избирались матросские комитеты, оспаривавшие решения флотских командиров и... решавшие их жизни и судьбы» [Там же]. Многие офицеры подали в отставку, но некоторые решили бороться против новых порядков. К ним и принадлежали братья Ильвовы.

«После падения Временного правительства оба отправились на Дон, чтобы влиться в ряды формирующейся Добровольческой армии» [Там же]. В январе 1918 г. братья были зачислены в Морскую роту Офицерского полка, состоявшую из представителей флотов и флотилий бывшей империи. В ее рядах Ильвовы прошли Ледяной поход (об этом роман Бориса Ильвова «Ураган»).

Будущий писатель был ранен, а в мае 1918 г. он стал начальником штаба Донской флотилии. В боях на Дону Ильвов получил звание старшего лейтенанта, добрался до Восточного фронта адмирала Колчака и был определен в Сибирскую флотилию. «Сибирская флотилия имела в своем составе два дивизиона, ходившие по рекам Обь и Иртыш. Из этих дивизионов был сформирован... морской батальон» [Там же, с. 6].

Ильвов, получивший звание капитана второго ранга, служил на дальних рубежах России. Потом он оказался в Константинополе, позже попал в Китай, где принял предложение французской военно-морской миссии и поступил на службу в Шанхае в чине лейтенанта.

Морской офицер, Ильвов нашел в творчестве Гумилева близкие ему мотивы, образы и сюжеты. Один из таких сюжетов и оказался в центре

³ [Гончаренко, 2008, с. 191, 207; 2006, с. 144, 220, 301].

данной работы – история Летучего Голландца, без которой не обходится практически ни одно морское повествование.

О мотивах кораблей-призраков у Гумилева упоминали критики и исследователи творчества поэта, отмечая сходство с фантастическими сюжетами Э. По, символическими мечтаниями Ш. Бодлера, импрессионистскими образами А. Рембо, жесткими и мужественными стихами Р. Киплинга. Вписанная в лирику Гумилева легенда о Летучем Голландце скрывает особый пространственный континуум – мир призраков и смерти, без погружения в который, без осознания его таинственной границы невозможно ни одно плавание. Водная стихия как стихия первоначал заставляет обратиться к легендарным и мифологическим европейским сюжетам о морских странствиях.

Г. Иванов в сборнике мемуарных очерков «Китайские тени» писал:

Совсем незадолго до смерти Гумилева я рассказал ему историю... о шхуне, вышедшей из какого-то американского порта и найденной потом в открытом море. Все было в порядке, спасательные лодки на месте, в столовой стоял сервированный завтрак, вязанье жены капитана лежало на ручке кресла, но весь экипаж и пассажиры пропали неизвестно куда. Гумилева очень пленила эта тема, он хотел писать на нее роман и придумал несколько вариантов, очень любопытных [1992, с. 41–42].

Возможно, косвенное переживание странной истории, близкой сюжету о кораблях-призраках, наложило отпечаток и на «Заблудившийся трамвай» – одно из последних стихотворений Гумилева. Мотивы кораблей-призраков звучат в стихотворениях Гумилева «Корабль», «Снова море», «Путешествии в Китай» и «Пятистопных ямбах», в сонете «Нас было пять... Мы были капитаны», в микроциклах «Капитаны» и «Возвращение Одиссея».

Названные тексты были хорошо известны в литературных кругах русского Китая. «В Шанхае... регулярно печатались произведения известных поэтов. Особенно популярным был Н. Гумилев, и в Шанхае его стихи неоднократно переиздавались» [Хисамутдинов, 2003, с. 149]. Неудивительно, что в произведениях местных маринистов отразились образы и сюжеты «морских» стихотворений поэта.

В 1935 г. в Шанхае был издан сборник произведений Ильвова «Летучий Голландец», названный так по заголовку открывающей сборник повести. Писатель использует одну из версий легенды о Летучем Голландце: голландский капитан, осужденный на казнь за связь с нечистой силой, становится пиратом и вместе со своими головорезами много лет наводит ужас на мирных мореплавателей. Наконец, погубив захваченную им прекрасную девушку, он попадает в руки к ее братьям, которые приковывают его цепями к мачте корабля и отправляют в вечное плавание. «Оскверненное его бесчисленными злодействами море» [Ильвов, 1935, с. 8] носит его по водам океанов, и суда, встретившие его на своем пути, гибнут. Но Господь

посылает ему возможность спастись: время от времени душа Голландца появляется на земле в том или ином облике, однако он, «вместо того чтобы исправиться и заслужить прощение, снова грешит и умирает непрощенным» [Ильвов, 1935, с. 9].

Такая трактовка Ильвовым знаменитой легенды согласуется с концепцией Гумилева о переселении душ, выраженной в одном из самых ярких стихотворений поэта – «Память»:

...Мы меняем души, не тела.

Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, что раньше
В этом теле жили до меня
[Гумилев, 1988, с. 309].

Среди разных ликов в тексте Гумилева возникает поэт, воин, путешественник. В повести Ильвова Летучий Голландец – человек, сменивший множество душ за много веков. Последнее «пристанище» его души – бывший рулевой старшина на крейсере «Память Азова», зверски убивший своего благодетеля, а затем превратившийся в жестокого революционера: «обросший... длинными черными космами... Скуластое, со сросшимися бровями лицо, чуть раскосые глаза и наглая улыбка производили сильное и неприятное впечатление. Из-под нависших бровей смотрели злые, жестокие глаза» [Ильвов, 1935, с. 23–24].

Известно, что Гумилев любил описывать себя (и возможных предков), обыгрывая то татарские, то скандинавские корни и ощущая множество душ, одновременно присутствующих в своем теле:

... Мне чудится (и это не обман),
Мой предок был татарин косоглазый,
Свирепый гунн...
[Гумилев, 1988, с. 166].

Перекличка между раскосыми глазами и наглой улыбкой Игошина и «косоглазым татаринном», предком Гумилева, очевидна.

Гумилев неоднократно создавал свои автопортреты в произведениях, причем автопортреты, не приукрашенные и отполированные, а подчеркивающие некрасивость поэта. Например, в поэме «Блудный сын» Гумилева можно узнать в одном из персонажей:

Ты, Цинна, смеешься? Не правда ль, потешен
Тот раб косоглазый и с черепом узким?
[Там же, с. 190]

В «Памяти» тоже дан облик поэта – юноша «некрасив и тонок» [Там же, с. 309].

Современники Гумилева, описывая его внешность, отмечали слегка косившие глаза:

Юноша был тонок, строен, в элегантном университетском сюртуке с очень высоким, темно-синим воротником (тогдашняя мода), и причесан на пробор тщательно. Но лицо его благообразием не отличалось: бесформенно-мягкий нос, толстоватые бледные губы и немного косящий взгляд [Маковский, 2000, с. 255].

Поэт Георгий Иванов вспоминал:

Гумилев шел не сгибаясь, важно и медленно – чем-то напоминая автомата. Стриженная под машинку голова, большой, точно вырезанный из картона нос, как сталь холодные, немного косые глаза... Одет он был тоже странно: черный долгополый сюртук, как-то особенно скроенный, и ярко-оранжевый галстук... Внешность Гумилева показалась мне тогда необычайной до уродства. Он действительно был некрасив и экстравагантной (потом он ее бросил) манерой одеваться – некрасивость свою еще подчеркивал. Но руки у него были прекрасные, и улыбка, редкая по очарованию, скрашивала, едва он улыбался, все недостатки его внешности [1931, с. 310–311].

Ученица Гумилева Ирина Одоевцева в мемуарах «На берегах Невы» писала:

Трудно представить себе более некрасивого, более особенного человека. Все в нем особенное и особенно некрасивое. Продолговатая, словно вытянутая вверх голова, с непомерно высоким плоским лбом. Волосы, стриженные под машинку, неопределенного цвета. Жидкие, будто молью траченные брови. Под тяжелыми веками совершенно плоские глаза.

Пепельно-серый цвет лица. Узкие бледные губы. Улыбается он тоже совсем особенно. В улыбке его что-то жалкое и в то же время лукавое. Что-то азиатское. От «идола металлического», с которым он сравнивал себя в стихах:

Я злюсь как идол металлический
Среди фарфоровых игрушек.

...Он продолжает торжественно и многословно говорить. И мне понемногу начинает казаться, что его косые плоские глаза светятся особенным таинственным светом.

Я понимаю, что это о нем, конечно, о нем Ахматова писала:

И загадочных, темных ликов
На меня поглядели очи...

...И вот уже я вижу совсем другого Гумилева. Пусть некрасивого, но очаровательного. У него действительно иконописное лицо – плоское, как на старинных иконах, и такой же двойщийся загадочный взгляд [1988, с. 17–18].

Вера Лурье видела Гумилева таким:

Высокий, худой, прямой, точно из дерева, в черном потертом пиджаке с заплатой на спине, всегда в белых носках, спускающихся часто на сапоги – грибочками; или в дохе темно-коричневой, привезенной из Африки, с такой же меховой шапкой, в которой я его очень любила, т<ак> к<ак> она укорачивала его длинный череп и оттеняла его тонкое, бледное лицо.

Стриженная, конусообразная голова, раскосые серые глаза, щурятся они точно с усмешкой, глядят на всех свысока, в мелких зубах непременно дымится папираса, в тонких белых руках с длинными пальцами – маленький томик! [Лурье, 1993, с. 7].

Воспоминания о Гумилеве художницы Ольги Делла-Вос-Кардовской можно прочитать по автографу Л. В. Горнунга:

Мысль написать портрет Николая Степановича пришла мне в голову еще весной 1908 года. Но только в ноябре я предложила ему позировать. Он охотно согласился. Его внешность была незаурядная – какая-то своеобразная острота в характере лица, оригинально построенный, немного вытянутый вверх череп, большие серые слегка косившие глаза, красиво очерченный рот [Панорама искусств, 1988, с. 191].

Г. П. Блок, двоюродный брат А. А. Блока, считал Гумилева весьма непривлекательной личностью:

Он говорит, будто женщины его любят! Что за чушь?! Физиономия отвратная, какая-то непристойно-голая, глаз косою и глупый, рот – помойная щель! И череп, череп! [Стогов, 2018, с. 60].

Вероятно, Гумилев осознавал особенности – точнее, недостатки – своей внешности, но, бравирюя ими, он отчасти превращал их в достоинства. Поэтому раскосые глаза Игошина, Летучего Голландца у Ильвова, вполне могут быть отсылкой к Гумилеву, которого так привлекал этот фантастический и мрачный образ. Кроме того, душа, переходящая из одного тела в другое – мысль, Гумилеву близкая и выраженная во многих его произведениях. В стихотворении «Стокгольм» «мы видим сначала... слияние души личной с... душами городов и душевного с внешнереальным, но потом эти воплощения вскрываются, как этапы странствований и блужданий самой души» [Верховский, 1925, с. 122]. Образ Стокгольма рождается из сна, но сон здесь как будто приоткрывает завесу над происхождением лирического героя:

О, Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта – истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?
[Гумилев, 1988, с. 263]

Швеция для Гумилева – и есть тайная прародина, поскольку именно оттуда пришли варяги на Русь. Среди множества пространств и времен Гумилев ищет свой мир – мир поэта, потерянный когда-то и звучащий то

в песнях скальдов, то в звонах «волшебной скрипки», то в лютне Гондлы, который своей игрой укрощает жестокие сердца «волков»-исландцев. Для Гумилева дорогá мысль о том, что его душа затерялась в пространстве и ищет свои истоки. Соединяя Восток (татарские корни) и Запад, поэт строит свой «Новый Иерусалим», где душа человека оказывается вместилищем мировой культуры, впитывая в себя одновременно и свирепый менталитет гуннов, и лирику скальдов – грозную и нежную.

И герой Ильвова Летучий Голландец, ставший во времена русской революции Даниилом Петровичем Игошиным, также воплощает идею о судьбе потерянной души, которая не может найти себе места и непрерывно совершает все новые и новые злодеяния.

Петербургско-балтийское пространство, очерчивающее действие повести Ильвова, соединяет в себе весь мир: и Дальний Восток, где в Сахалинской тюрьме находились до побега Игошин и Арефьев; и железную дорогу, по которой от Владивостока на Запад мчится поезд; и финский Гельсингфорс, где произойдет истинная развязка, и многоликий голландец будет убит; и саму Голландию – начало трагической истории; и океаны, по которым носится судно вечного грешника.

Не случайно Ильвов новое воплощение Летучего Голландца помещает в душу матроса крейсера «Память Азова» – корабля с трагической и знаменательной судьбой, связанной с Дальним Востоком.

Когда в 1890–1891 гг. крейсер совершил плавание на Дальний Восток, на его борту был цесаревич Николай Александрович, будущий император Николай II. В конце ноября 1894 г. «Память Азова» поочередно вел на буксире на Дальний Восток два вновь построенных минных крейсера – «Всадник» и «Гайдамак». В 1898 г. крейсер прошел ремонт во Владивостоке и был передан русскому флоту в Порт-Артуре. Наконец, 20 июля 1906 г., во время первой русской революции, на корабле произошло выступление матросов – оно было подавлено (именно об этом пишет Ильвов в повести «Летучий Голландец»). После «микровосстания» «Память Азова» переименовали в «Двину», в марте 1917 г. кораблю вернули прежнее имя, а в 1919 г. в результате атаки английских торпедных катеров крейсер затонул в гавани Кронштадта. В 1923 г. корабль подняли и разобрали на металл.

Летучий Голландец Игошин в повести Ильвова обрел свое «кровавое крещение» на этом крейсере, в очередной раз утвердив страшную морскую легенду.

Описание мертвого корабля с капитаном и его сообщниками у Ильвова напоминает историю Летучего Голландца Гауфа («Рассказ о корабле привидений») и Гумилева («Капитаны», «Возвращение Одиссея»), а путь героя к смерти может быть косвенно связан с гумилевским «Путешествием

в Китай»⁴. «Конец пути для Гумилева лежит... метафорически говоря, “под ногами” самих путешественников: его Китай... представляет собой не метафизическую и не географическую, а внутреннюю, духовную реальность» [Баскер, 1992, с. 16]. Гумилев представляет своего капитана «вакхическим» и поэтическим. Управлять кораблем-призраком должен один из его любимых авторов – Рабле, о котором он писал в знаменитом манифесте «Наследие символизма и акмеизм». Смерть не станет финалом морского путешествия, потому что корабль, подобно Летучему Голландцу, понесет своих капитана и матросов дальше – в Китай.

Ильвов этот путь дарует другим героям трагической истории: спасенным от Летучего Голландца Игошина братьям Потоловым и их сестре Ниночке с ее возлюбленным Матвеевым. Освободившись от преследований вечного грешника, воплощенного у Ильвова в образе русского революционера, они отправляются на Восток – в «Банкоко» и в Индию. Восток открывает свое возрождающее начало, которое поможет очиститься героям, жаждущим света. Беллетристически светлый финал «Летучего Голландца» в какой-то мере нарушает мрачный тон всего произведения. Для писателя важно показать движение извне – из погибающей (может быть, уже погибшей?) России на Восток в надежде на свет и созидание.

Повесть Ильвова, ориентированная на философские воззрения и поэтику Гумилева, позволяет увидеть метафорически обозначенные пути русской эмиграции, Восток для которой становится началом новой жизни.

Список литературы

Баскер М. Гумилев, Рабле и «Путешествие в Китай»: К прочтению одного прото-акмеистического мифа // Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб., 1992. С. 5–22.

Буяков А. М. Знаки и награды Российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: Материалы к справ. Владивосток: Рус. остров, 2005. 215 с.

Верховский Ю. Н. Путь поэта // Современная литература. Л., 1925. С. 93–143.

Гончаренко О. Г. Бури гражданской войны // Ильвов Б. Я., Ларионов В. А. Ураган. Последние юнкера. М.: Вече, 2007. С. 3–10.

Гончаренко О. Г. Закат и гибель Белого флота, 1918–1924 годы. М.: Вече, 2006. 333 с.

Гончаренко О. Г. Последние битвы Императорского флота. М.: Вече, 2008. 313 с.

Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1988. 632 с.

⁴ См. подробнее о Летучем Голландце в творчестве Гумилева: [Куликова, 2015, с. 10–86].

- Иванов Г.* Мемуары и рассказы. М., 1992. 352 с.
- Иванов Г.* О Гумилеве // Современные записки. 1931. Октябрь. Кн. 47. С. 306–322.
- Ильвов Б. Я.* Летучий Голландец. Шанхай: Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина, 1935. 152 с.
- Крейд В.* Русская поэзия Китая: Антология. М., 2001. 720 с.
- Куликова Е. Ю.* «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2015. 272 с.
- Куликова Е. Ю.* «Китайская акварель» Николая Гумилева, Валерия Перелешина и Александра Вертинского // Восточные чтения: Религии. Культуры. Литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 120–125.
- Лурье В. И.* Воспоминания о Гумилеве // De visu. 1993. № 6 (7). С. 5–14.
- Маковский С. К.* На Парнасе «серебряного века» // Н. С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГИ, 2000. С. 255–266.
- Одоевцева И. В.* На берегах Невы: Литературные мемуары. М.: Худож. лит., 1988. 334 с.
- Панорама искусств. М.: Сов. художник, 1988. Вып. 11. 416 с.
- Стогов И. Ю.* Ключи от Петербурга. От Гумилева до Гребенщикова за тысячу шагов. Путеводитель по петербургской культуре XX в. СПб.: Пальмира, 2018. 223 с.
- Хисамудинов А. А.* Русская словесность в Шанхае. Владивосток, 2014. 134 с.
- Хисамудинов А. А.* Следующая остановка – Китай: Из истории русской эмиграции. Владивосток, 2003. 243 с.

Article metadata

Title: Gumilev's Trace in the Shanghai Marine Author B. Ya. Ilvov's Story "The Flying Dutchman"

Author: E. Yu. Kulikova

Author's e-mail: kulis@mail.ru

Author's affiliation: Institute of Philology SB RAS (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The Shanghai writer's story "The Flying Dutchman" by Boris Ilvov who became the successor of Nikolay Gumilev's traditions is considered in this article. Gumilev turned out to be a favourite poet of Russian emigrants in the East, his fate and lyrics were a model for the creative intelligentsia of China. Ilvov reflected the "sea" line of Gumilev's work, using motives and subjects close to him.

The article analyzes the legend of the Flying Dutchman in Ilvov's text. It is also noted that Ilvov not only reflected Gumilev's images in his work, but also used Gumilev's unusual appearance to create his character – "The Flying Dutchman". Gumilev's interest in other nations and countries makes it possible to see the features of an eternal tramp in his soul, and his attraction to the sea space relates to the characters of the Flying Dutchman legend. These motives and images, the poet's personal experiences were picked up in Ilvov's story – the story of how the black passion of a sailor-sinner settled in the heart of a Russian revolutionary.

The East opens its saving and regenerating beginning, helping to clear the characters who are thirsty for light. Ilvov's story, focused on Gumilev's philosophical views and the poetics, allows us to see the metaphorically identified paths of Russian emigration, for whom the East becomes the beginning of a new life for.

Key terms: Eastern emigration, N. Gumilev, B. Ilvov, the Flying Dutchman plot.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-363-374

Reference literature (in transliteration):

Basker M. Gumilev, Rable i "Puteshestvie v Kitay": K prochteniyu odnogo proto-akmeisticheskogo mifa [Gumilev, Rabelais and "Journey to China": Toward a Reading of a Proto-Acmeistic Myth]. In: *Materialy nauchnoy konferentsii 17–19 sentyabrya 1991 g.* [Materials of the scientific conference September 17–19, 1991]. St. Petersburg, 1992, p. 5–22. (in Russ.)

Buyakov A. M. Znaki i nagrody Rossiyskikh emigrantskikh organizatsiy v Kitae (Dayren, Tyantszin, Kharbin, Khunchun, Tsinanfu, Shankhay), 1921–1949 gg. [Signs and awards of Russian emigrant organizations in China (Dairen, Tianjin, Harbin, Hunchun, Tsinanfu, Shanghai), 1921–1949]. Reference materials. Vladivostok, Russkiy ostrov Publ., 2005, 215 p. (in Russ.)

Goncharenko O. G. Buri grazhdanskoy voyny [Civil War Storms]. In: Ilvov B. Ya., Larionov V. A. *Uragan. Poslednie yunkera* [Hurricane. The last cadets]. Moscow, Veche Publ., 2007, p. 3–10. (in Russ.)

Goncharenko O. G. *Poslednie bitvy Imperatorskogo flota* [The last battles of the Imperial Navy]. Moscow, Veche Publ., 2008, 313 p. (in Russ.)

Goncharenko O. G. *Zakat i gibel' Belogo flota, 1918–1924 gody* [Sunset and death of the White Fleet, 1918–1924]. Moscow, Veche Publ., 2006, 333 p. (in Russ.)

Gumilev N. S. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems]. Leningrad, 1988, 632 p. (in Russ.)

Ilvov B. Ya. *Letuchiy Gollandets* [Flying Dutchman]. Shanghai, A. P. Malyk and V. P. Kamkin Publ., 1935, 152 p. (in Russ.)

Ivanov G. *Memuary i rasskazy* [Memoirs and Stories]. Moscow, 1992, 352 p. (in Russ.)

Ivanov G. O Gumileve [About Gumilev]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], 1931, October, vol. 47, p. 306–322. (in Russ.)

Khislamutdinov A. A. Russkaya slovesnost' v Shankhae [Russian literature in Shanghai]. Vladivostok, 2014, 134 p. (in Russ.)

Khislamutdinov A. A. Sleduyushchaya ostanovka – Kitay: Iz istorii russkoy emigratsii [Next stop – China: From the history of Russian emigration]. Vladivostok, 2003, 243 p. (in Russ.)

Kreyd V. Russkaya poeziya Kitaya [Russian Poetry of China]. Anthology. Moscow, 2001, 720 p. (in Russ.)

Kulikova E. Yu. “Dal’nie nebesa” Nikolaya Gumileva: Poeziya. Proza. Perevody [“Far Heaven” by Nikolai Gumilyov: Poetry. Prose. Translations]. Novosibirsk, Svinin and synovial Publ., 2015, 272 p. (in Russ.)

Kulikova E. Yu. “Kitayskaya akvarel” Nikolaya Gumileva, Valeriya Pereleshina i Aleksandra Vertinskogo [“Chinese watercolor” by Nikolai Gumilyov, Valery Pereleshin and Alexander Vertinsky]. In: Vostochnye chteniya: Religii. Kul’tury. Literaturny [Oriental Readings: Religions. Culture. Literature]. Moscow, 2018, p. 120–125. (in Russ.)

Lurie V. I. Vospominaniya o Gumileve [Memories of Gumilyov]. *De visu*, 1993, no. 6 (7), p. 5–14. (in Russ.)

Makovskiy S. K. Na Parnase “serebryanogo veka” [On Parnassus of the “Silver Age”]. In: N. S. Gumilev: Pro et contra. Lichnost’ i tvorchestvo Nikolaya Gumileva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley [N. S. Gumilyov: Pro et contra. The personality and work of Nikolai Gumilyov in the assessment of Russian thinkers and researchers]. Anthology. St. Petersburg, 2000, p. 255–266. (in Russ.)

Odoevtseva I. V. Na beregakh Nevy: Literaturnye memuary [On the banks of the Neva: Literary memoirs]. Moscow, 1988, 334 p. (in Russ.)

Panorama iskusstv [Panorama of the arts]. Moscow, 1988, vol. 11, 416 p. (in Russ.)

Stogov I. Yu. Klyuchi ot Peterburga. Ot Gumileva do Grebenshchikova za tisyachu shagov. Putevoditel' po peterburgskoy kul’ture XX v. [The keys to St. Petersburg. From Gumilyov to Grebenshchikov in a thousand steps. Petersburg Culture Guide of 20th Century]. St. Petersburg, Palmira Publ., 2018, 223 p. (in Russ.)

Verkhovskiy Yu. N. Put’ poeta [The way of the poet]. In: *Sovremennaya literatura* [Modern Literature]. Leningrad, 1925, p. 93–143. (in Russ.)